

А.М. Либман

Франкфуртская школа финансов и менеджмента
и Институт экономики РАН, Франкфурт-на-Майне, Москва

Немецкая экономическая наука: механизмы трансформации

В статье приводится обзор основных механизмов трансформации сообщества немецких экономистов, связанной с его интернационализацией и интеграцией в глобальную экономическую науку. Выделяются три основные черты немецкой экономики, сделавшие подобную трансформацию возможной; рассматриваются преимущества и недостатки немецкого пути трансформации.

Ключевые слова: сообщество экономистов, интернационализация, Германия.

Классификация JEL: A14.

1. Немецкая экономическая наука в послевоенный период

На сегодняшний день проблемы перестройки национально-го сообщества исследователей в области социальных наук и, в частности, экономики стоят не только перед Россией и постсоветскими странами. Не менее сложной является задача изменения структуры организации научных сообществ европейских стран, испытывающих все более острую конкуренцию со стороны США. В то же время исходное состояние и, соответственно, пути трансформации научных сообществ сильно различаются. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть основные направления изменений и текущее состояние экономической науки в Германии, концентрируя внимание на воздействии институтов организации научного сообщества (рынков труда и структуры карьеры исследователя) на результаты его функционирования и преодоление национальной замкнутости.

Как показано в (Либман, 2010), за последние два десятилетия немецкой науке удалось совершить качественный скачок – от достаточно замкнутой научной системы к практически полной интеграции в мировое научное сообщество – и в сфере исследовательских стандартов, и в области методологии. Конечно, не следует упрощать ситуацию, описывая Германию до середины 1990-х годов как «царство» вербальной теории, не связанное с развитием мировой науки. Уже в 1960–1970-х годах в ФРГ можно выделить целый ряд сильных экономистов-математиков. Некоторые из них внесли фундаментальный вклад в развитие дисциплины, полностью воспринятый мировым научным сообществом. Речь идет, например, о В. Хильденбрандте и Р. Зельтене (единственном немецком лауреате Нобелевской премии). Оба они защитили докторские диссертации по математике, но впоследствии стали заниматься экономической теорией, оба активно публиковались в ведущих международных журналах (работы Хильденбрандта см. в журналах: *Econometrica*, *Journal of Economic Theory*

и *International Economic Review*; работы Зельтена: *Quarterly Journal of Economics*, *European Economics Review* и *International Journal of Game Theory*). Традиции математических исследований играли важную роль в Билефельдском и Боннском университетах (и, похоже, внесли свой вклад в наблюдающееся сегодня доминирование теоретиков среди немецких профессоров).

Однако хотя математическая экономика и существовала в Германии, она не занимала доминирующего положения, сопоставимого с англосаксонским миром. И часто очень сильные немецкие экономисты-математики не ставили перед собой задачу публикации в международных журналах, оперируя на «внутреннем» немецком рынке. Согласно некоторым источникам, Р. Зельтен сознательно отказывался от публикации своих «основных» результатов в академических журналах за рубежом, опасаясь необходимости адаптировать их к «вкусам и пристрастиям» рецензентов, предпочитая немецкие журналы без системы формального «peer-review» (Frey, 2003). То есть немецкий исследователь того периода «мог себе позволить» выбрать подобную стратегию без какой бы то ни было «санкции» со стороны научного сообщества.

На наш взгляд, интеграция в глобальное научное сообщество может рассматриваться как однозначно позитивное явление: во-первых, она способствует распространению и обмену информации между учеными, а во-вторых, создает большие стимулы для исследователей за счет интенсификации конкуренции (Либман, 2009)¹. Другое дело, что сегодня единственный способ интеграции в глобальную систему для отдельных стран – это признание господствующих там исследовательских стандартов. Речь идет даже не о содержательных или методологических вопросах (на глобальном рынке в силу его обширности найдется место представителям самых разных школ – важно лишь корректно «определить свою нишу»), а скорее, об организационных особенностях: признании публикаций в рецензируемых журналах абсолютным критерием «качества» исследователей. Оценка существующей системы рецензирования (peer-review) и господства принципа «публикуйся или пропадай» (publish or perish), насколько мы можем судить, является неоднозначной; нет недостатка и в альтернативных проектах измерения результативности научного труда (Armstrong, 1997; Frey, 2003, 2009). Однако для большинства национальных научных сообществ (Германия здесь не стала исключением) выбор стоит не между «peer-review» и его «улучшенными» альтернативами, а между «peer-review» и господством значительно менее эффективных систем (основанных на влиянии субъективных факторов и межличностных отношений). Иначе говоря, при всех своих недостатках переход к господствующей в международном научном сообществе системе оказывает благоприятное воздействие на национальную науку.

¹ Как будет показано далее, немецкое научное сообщество и ранее было крайне конкурентным; однако сегодня соперничество становится еще более острым. Практически все известные автору немецкие исследователи старшего поколения согласны с тем, что вызовы, стоящие перед современным молодым исследователем в Германии, намного серьезнее тех, которые существовали несколько десятилетий назад, и что современные докторанты, молодые исследователи и младшие профессора работают значительно интенсивнее своих предшественников.

Несколько иначе ситуация выглядит при оценке результатов конкретных исследователей. Отсутствие публикаций в ведущих международных журналах не должно автоматически восприниматься как признак «низкого уровня» экономиста. Оно свидетельствует о низком качестве исследований лишь в сообществе, в котором ученые принципиально ориентированы на появление подобных публикаций. Если в числе критериев, предъявляемых к успешному исследователю, отсутствуют публикации в рецензируемых журналах (и ученые просто-напросто не пытаются добиться публикации или инвестируют значительно меньше сил в «публикационный успех»), малое число статей ни о чем не говорит. Можно говорить о целом ряде интересных разработок немецких исследователей, не нашедших отражения в международных журналах, – и речь идет не только о хорошо известном в России ордолиберализме В. Ойкена, но и о макроэкономике В. Штютцеля (Feld, 2002) или работах Кильского университета в области пространственной конкуренции. Иначе говоря, немецкий профессор «образца» 1950 или 1970 г., скорее всего, практически не публиковавшийся в ведущих журналах, не обязательно «слабее» как исследователь своего коллеги «образца» 2010 г., для которого статьи в журналах являются нормой. Однако, в силу описанных выше позитивных эффектов интеграции в глобальную систему, *в среднем и при прочих равных* можно утверждать, что качество научных исследований в Германии с 1970 по 2010 г. существенно выросло.

Конечно, Германия не уникальна сегодня в своем стремлении к усвоению стандартов качества, устоявшихся в США, – сегодня схожая задача стоит перед практически всеми странами континентальной Европы, на протяжении последних десятилетий критиковавшихся за негибкие и жесткие структуры и отрыв от глобальной дискуссии (Sorgman, 2010). Однако путь Германии несколько отличается от стратегий ее соседей. Если в большинстве европейских стран лидерами трансформации стали новые университеты, отказавшиеся от существовавших ранее неэффективных структур (Universitat Pompeu Fabra и Universitat Autònoma de Barcelona в Испании, Tilburg University в Голландии, Toulouse School of Economics во Франции), в Германии трансформация происходит в какой-то степени «изнутри системы». Традиционные лидеры (Бонн, Маннгейм, Берлин, Киль, Мюнхен, Гейдельберг) оказываются в числе наиболее активных участников процесса интернационализации. Можно сказать, что в Германии изменение структуры научного сообщества произошло без «формальной» перестройки системы университетов. Этот результат является неожиданным и заслуживает более подробного обсуждения.

Можно спорить о сравнительной результативности *ведущих* немецких университетов и новых университетов других европейских стран, но *средний уровень* интернационализации немецкой науки (или, иначе говоря, ожидания относительно публикаций в международных

рецензируемых журналах в *средних* университетах), как нам представляется, заметно выше, чем во Франции, Италии или Испании². Конечно, разрыв «лидеров» и «аутсайдеров» более заметен: не случайно нередко говорят о существовании «двух классов» немецкого экономического сообщества (*Handelsblatt*, 2006): **группы элитных университетов** и множества очень слабых вузов. Однако международные стандарты как абсолютное требование распространяются в немецких университетах буквально на глаза; даже в сравнительно слабых вузах новые профессора, как правило, характеризуются очень хорошими публикационными результатами.

Такое развитие ситуации не может не вызывать интерес, тем более что речь идет о достаточно крупном научном сообществе с доминированием государственных университетов (рост числа частных исследовательских университетов является, наверное, единственной серьезной институциональной инновацией последних десятилетий – но их роль остается незначительной). В принципе существуют примеры стран, быстро и эффективно решивших проблему интеграции в глобальную науку традиционных вузов (скажем, Швеция, Нидерланды или Израиль), но во всех случаях речь идет о сравнительно небольших государствах. Германия здесь оказывается исключением, заслуживающим более детального обсуждения. Как мы попытаемся показать в дальнейшем, причины такого развития, по всей видимости, связаны с особенностями институциональной организации немецкой науки, во многом отличающейся от своих «соседей» в континентальной Европе.

2. Организация немецкого научного сообщества

2.1. Численность сообщества

Упрощенно говоря, можно выделить три основные характеристики немецкого научного сообщества и институтов науки. Во-первых, речь идет о крайне малочисленном сообществе – во всяком случае, для страны с населением и экономическим потенциалом Германии. Рейтинг публикаций газеты *Handelsblatt*, являющийся на сегодняшний день одним из лучших источников информации о динамике немецкой науки (о нем более подробно речь пойдет далее) в 2009–2010 гг. включал в себя около 1700 исследователей в области экономики народного хозяйства³, работающих в Германии, Австрии и германоязычной Швейцарии. Даже если добавить к ним еще около 2100 исследователей в области экономики предприятия⁴, т.е. перейти к более «широкому» пониманию экономики, свойственному, например, России, все равно число исследователей не превышает четырех тысяч. Это заметно меньше, чем в большинстве других сопоставимых с Германией стран.

Малочисленность исследовательского персонала обладает как серьезными недостатками, так и рядом преимуществ. Что касается

² И это при том, что обособленность немецкой науки, в каком-то смысле, была выше, чем, скажем, во Франции, где математические методы анализа не встретили столь жесткого отторжения у исследователей – впрочем, здесь ситуация является неоднозначной, как будет показано далее.

³ *Volkswirtschaftslehre* – дисциплина, соответствующая традиционному международному пониманию *economics*.

⁴ *Betriebswirtschaftslehre* – традиционное обозначение дисциплин, связанных в англосаксонском мире со школами бизнеса: маркетинга, менеджмента и организации, управления персоналом и т.д.

недостатков, то они очевидны. Во-первых, немецким университетам крайне трудно набрать «критическую массу», позволяющую сформировать научную среду, конкурентоспособную по сравнению с ведущими исследовательскими центрами за рубежом (в том числе и «новыми» европейскими университетами). Во многих университетах насчитывается лишь 5–6 позиций профессоров (и, соответственно, около 20 позиций докторантов)⁵. Во-вторых, малочисленность преподавательского состава является серьезной проблемой с точки зрения образования. Немецкий студент практически не имеет доступа к профессору, лекции во многих случаях читаются аудитории из нескольких сотен (если не тысяч) слушателей (особенно на ранней стадии обучения). В-третьих, наконец, малочисленность ставок ведет к тому, что немецкая наука систематически работает «вхолостую», находясь в состоянии постоянного перепроизводства кадров. Число постоянных позиций в государственных университетах четко фиксировано и ограничено возможностями бюджетов земель (основной источник финансирования образования). Поэтому вполне возможна ситуация, когда блестящие молодые исследователи не в состоянии получить постоянную должность из-за отсутствия каких бы то ни было предложений на рынке труда – и, соответственно, предпочитают искать работу за рубежом⁶.

Однако малочисленность научного сообщества обладает и некоторым рядом преимуществ. Во-первых, «обновление» небольшого научного сообщества осуществить заметно проще, чем крупного. Иначе говоря, немецкие университеты в принципе могут себе позволить вводить крайне жесткие критерии отбора сотрудников и делать выбор из достаточно большого числа соискателей. В более крупном сообществе жесткие критерии могут привести к тому, что менее престижные университеты в принципе не получают никаких заявок на открывающиеся вакансии (просто из-за отсутствия соответствующих специалистов на рынке труда) и вынуждены будут «снижать планку». Немецкий академический рынок труда определяется «властью спроса», а не «властью предложения». Не случайно Германия смогла достаточно быстро и радикально решить проблему научного сообщества ГДР – практически все научные сотрудники и преподаватели восточно-немецких университетов после объединения были уволены и заменены «варягами» с Запада. Не вдаваясь в этические последствия такого решения и воздерживаясь от его оценки с точки зрения эффективности (можно найти как положительные, так и отрицательные стороны такой политики), следует заметить, что Германия была *принципиально в состоянии реализовать подобные меры* – в то время как система с более многочисленным исследовательским персоналом сразу же столкнулась бы с дефицитом кадров.

Во-вторых, в немецких университетах можно быстро «сдвинуть баланс власти» в пользу молодых профессоров, ориентированных на международные академические стандарты. В условиях большего чис-

⁵ Речь идет об университетах, где ведется подготовка профессиональных экономистов; в вузах, где экономические курсы читаются как вспомогательный предмет, редко работают больше 1–2 профессоров.

⁶ Надо сказать, что именно интеграция немецкой науки в глобальный рынок сделала эту альтернативу трудоустройства за границей возможной – еще несколько десятилетий назад речь шла об уходе из науки.

ла преподавателей даже активная политика по найму новых специалистов с неизбежностью привела бы к ситуации, когда доля последних в общей численности профессоров невелика – что, при более или менее демократической форме управления университетом с неизбежностью ограничило бы их влияние на научную политику, в том числе и кадровую. В отсутствие же демократических институтов, скорее всего, реальностью стали бы саботаж и «тихие» конфликты. В Германии подобная практика «быстрого обновления» поддерживается еще одной, достаточно случайной особенностью немецкой экономической науки: существованием своеобразных «волн обновлений». В конце 1990-х годов большинство постоянных позиций в немецких университетах занимали профессора, нанятые практически одновременно в 1970-х годах (период расширения сети немецких университетов). На протяжении почти 30 лет открытых вакансий в университетах было крайне мало. Зато в 2000-х годах немецкие университеты столкнулись с массовым уходом на пенсию своих преподавателей, что привело к полному обновлению профессуры – в котором, кстати сказать, активно принимали участие возвращавшиеся из-за границы (прежде всего из США) исследователи, не нашедшие работы десятилетием ранее.

2.2. Конкуренция в научном сообществе

Второй чертой немецкой академической науки можно считать крайне жесткую конкуренцию за постоянные позиции в университетах. Если в большинстве других европейских стран, в том числе во Франции и Великобритании (во всяком случае, в университетах среднего уровня), сотрудник, приходящий в университет после защиты докторской диссертации, практически сразу получает постоянный контракт (после ограниченного и достаточно формального испытательного срока), а научная иерархия включает в себя множество ступеней, делающих возможным медленный карьерный рост, в Германии единственной постоянной позицией является должность профессора (в принципе имеющая некоторые внутренние градации с точки зрения заработной платы – категории W2 и W3 – но на самом деле достаточно однородная). После получения докторской степени исследователи в Германии традиционно на протяжении четырех–пяти лет работают над так называемой хабилитацией (Habilitation), второй (и более фундаментальной) диссертацией (в чем-то аналогичной российской степени доктора наук), дающей право на приобретение *venia legendi* – права преподавания в университете. После успешной хабилитации они получают право претендовать на позиции профессоров – конечно, при наличии вакансий.

Особенностью этой системы, создающей значительное конкурентное давление, является законодательно закреплённый запрет на университетский инбридинг. То есть исследователь обязан хотя бы один раз сменить место работы – после докторантуры (пройдя хаби-

литацию в другом университете) или после хабилитации. На практике ситуация еще более сложная. Очень часто университет, в котором была пройдена хабилитация, не в состоянии предоставить позицию постоянного профессора (поскольку все имеющиеся «ставки» заняты учеными с пожизненным контрактом), так что исследователи вынуждены искать работу в других университетах или оставаться на должностях так называемых приват-доцентов, обеспечивающих достаточно небольшой доход⁷. Существует несколько «обходных путей» (например, должности академических советников), но они открыты лишь для немногих исследователей (и к тому же заметно менее престижны).

Пребывание на «промежуточных» позициях (степени подготовки к хабилитации) принципиально ограничено шестью годами. В Германии отсутствует достаточно развитый в США рынок «продвинутых» ассистент-профессоров, не получивших постоянную позицию. «Начать заново» после завершения периода хабилитации сотрудник не имеет права⁸, т.е. приняв после защиты докторской решение «остаться в науке» (в Германии, как и в России, и в отличие от США, большое число докторов «уходит» в частный сектор на административные должности), исследователь четко понимает, что при неблагоприятном стечении обстоятельств через шесть лет он окажется без работы и без стабильных источников дохода. Если учесть, что хабилитация обычно осуществляется в возрасте 34–36 лет, переход в частный сектор (как правило, без какого бы то ни было опыта практической работы) также не всегда возможен и связан с заметным снижением статуса.

В последние годы система была несколько модифицирована: хабилитация как обязательное условие для занятия должности полного профессора была отменена, и был введен альтернативный «путь к профессуре» – должность младшего профессора. Младший профессор назначается на шесть лет, и через три года проходит аттестацию, являющуюся основанием для предоставления ему *venia legendi*, и формально имеет все права и привилегии полного профессора (включая руководство докторантами). Однако на практике появление младших профессоров мало что изменило. Во-первых, обычно речь идет о должностях, не предполагающих автоматического перехода к «пожизненной» позиции в будущем (отсутствие *tenure-track*) – как в силу технического отсутствия возможностей для последнего (уже упомянутое ограниченное число ставок), так и нежелания университетов (опасающихся снижения конкурентного давления на молодых исследователей). Возможность перехода к постоянной позиции предусмотрена лишь в очень небольшом числе контрактов младших профессоров. Поэтому на практике они сталкиваются с теми же трудностями, что и хабилитанты, – за исключением несколько большей преподавательской

⁷ Сама по себе должность (или, точнее говоря, титул) приват-доцента не предполагает никакой оплаты; заработная плата связана с преподаванием конкретных курсов в университетах (определенная нагрузка является условием для сохранения титула приват-доцента), а подобные контракты, как правило, оплачиваются достаточно плохо.

⁸ Конечно, он может покинуть университет и продолжить работать над хабилитацией (традиционно хабилитация связана с должностью так называемого «научного ассистента», в последние годы она была заменена должностью «временного академического советника»), но при этом встает вопрос о поиске источника доходов.

нагрузки и необходимости участвовать в крайне трудоемком «университетском самоуправлении» (отнимающем в Германии немало времени). Во-вторых, позиций младших профессоров крайне мало (заметно меньше, чем полных профессоров): на практике младшим профессором обычно можно стать лишь пройдя стадию временного научного сотрудника (post-doc).

Жесткая конкуренция, опять-таки, обладает преимуществами и недостатками. Неопределенность, конечно, серьезно снижает стимулы для желающих заниматься наукой: тем более что постоянная позиция, скорее всего, будет получена в другом городе и будет связана с переездом (что в 35–36 лет может восприниматься как проблема). Надо сказать, что за позиции в престижных университетах очень часто конкурируют не столько хабилитанты и младшие профессора, но и полные профессора других университетов, а следовательно, возможность молодых исследователей даже претендовать на должность в сильных вузах крайне ограничена. Опять-таки, университеты постоянно теряют создающийся ими же «человеческий капитал», особенно из-за отсутствия позиций **tenure-track**. **Помимо этого, от существующей системы страдают слабые и средние университеты, сталкивающиеся с очень высокой мобильностью кадров, – нередко профессора буквально через несколько лет после найма уже начинают искать работу в более сильных вузах.** Этот факт, наряду с преимуществами более сильных университетов по поиску специалистов за рубежом, вносит свой вклад в формирование «двух классов» экономической науки в Германии (о чем мы говорили ранее). Помимо этого, процедура «перехода профессора» из одного университета в другой в Германии связана с длительными переговорами и часто продолжается несколько лет (!), как и процедура поиска новых кандидатов на профессорские позиции. Следовательно, организовать работу факультета в таких условиях крайне сложно.

Однако жесткая конкуренция приносит и преимущества. Отсутствие академического инбридинга является общепризнанным фактором эффективности научного сообщества (Сивак, Юдкевич, 2008, 2009). Даже в США профессора, получившие постоянную позицию в собственном университете, обычно слабее пришедших со стороны (Оуег, 2007). **Немецкие исследователи испытывают колоссальное давление со стороны десятков и сотен конкурентов, что ведет к автоматическому росту требований к публикациям, о чем речь пойдет далее.** К тому же в Германии гораздо сложнее сформировать устойчивые монополии на факультетах, как это происходит, например, в Италии (где речь идет даже о формировании семейных династий (Durante et al., 2009)).

Наконец, немецкие университеты за счет системы найма, осуществляющей отбор уже на уровне позиций полных профессоров, могут трансформироваться гораздо быстрее университетов, где

отбор проводится преимущественно на уровне позиций ассистент-профессоров. Достаточно нанять двух или трех сильных старших исследователей с большим числом публикаций, чтобы качественно изменить ситуацию с точки зрения «публикационных результатов» профессорского состава (ведь работу получают люди, уже имеющие большое число публикаций и наработанные «публикационные практики») и сделать университет привлекательным для молодых ученых, а также сдвинуть «расстановку сил» при принятии политических решений. Нередки случаи, когда даже в ведущих университетах на долю наиболее сильного исследователя приходится больше трети публикаций: в 2009 г. такая ситуация (в области экономики народного хозяйства) существовала во Франкфурте-на-Майне, Кельне, Базеле, Люнебурге, Ольденбурге и Пассау (в последнем доля ведущего исследователя превышает половину (!) всех результатов профессоров-экономистов)⁹.

2.3. Статус и доходы профессора

Последний «ингредиент», обуславливающий специфику ситуации в немецкой науке, – сравнительно высокий уровень доходов немецких профессоров, а также их значимый социальный статус. Профессора в Германии, хотя и зарабатывают меньше своих скандинавских и голландских коллег, получают значительно более высокую заработную плату, чем в романской Европе и даже чем в большинстве английских университетов (за исключением университетов-лидеров, подобных Оксфорду и ЛШЭ). Учитывая, что большинство профессоров имеют статус государственных служащих, они освобождаются от уплаты взносов на социальное обеспечение, которые относятся к числу наиболее высоких квазианалогов в Германии. Конечно, по уровню заработной платы немецкие университеты не могут конкурировать с ведущими университетами США – в особенности из-за негибкой системы оплаты труда государственных служащих, не позволяющей «предлагать» более высокие оклады более сильным профессорам (кстати сказать, в этом отношении сегодня ситуация быстро меняется в лучшую сторону), но в целом их положение в международном сравнении достаточно благоприятно. Схожая ситуация наблюдается в Австрии. Что же касается Швейцарии, то эта страна, наверное, один из лидеров по оплате труда профессоров в Европе (и «мечта» многих немецких исследователей).

Не менее важным фактором является традиционное уважение к университетским преподавателям в Германии. По опросам общественного мнения, работа «профессора» стандартно входит в тройку наиболее престижных видов деятельности. К тому же немецкий профессор в силу господствующей в большинстве вузов «кафедральной системы»¹⁰ пользуется крайне высокой автономией и практически не зависит даже от своих коллег. Тем более что статус государственно-

⁹ Точнее, речь идет не об общем числе публикаций, а о баллах Handelsblatt, – более подробно данная тематика обсуждается далее. Используются данные рейтинга 2009 г.

¹⁰ Термин «кафедра» в Германии используется для описания исследовательской группы, возглавляемой профессором и включающей в себя нескольких докторантов и исследователей, уже защитивших диссертацию и находящихся на временной позиции (post-doc), – в отличие от «института», персонал которого насчитывает несколько профессоров (и, на самом деле, представляющего собой аналог «кафедры» в России).

го служащего, имеющего контракт с земельным правительством, – это даже более высокая гарантия несменяемости профессора, чем американские контракты «tenure», заключающиеся с факультетом («tenure» не защищают от ликвидации факультета как такового (Cawley, 2003)). Немецкие университеты близки к классической «республике ученых» (или, точнее сказать, олигархии – большинством факультетов де-факто управляет совет профессоров), что также повышает статус полного профессора. Достаточно сказать, что в рамках проведенного в 2002–2003 гг. опроса больше 80% (!) немецких профессоров (всех дисциплин) назвали «автономную работу» важным фактором выбора профессии ученого (Krimmer et al., 2003).

В последние годы традиционные преимущества немецких профессоров сокращаются: уменьшается число ставок докторантов и ассистентов на «кафедрах», а некоторые университеты переходят к «институтской системе», уменьшающей автономию и преподавателей, и доступные им для проведения научных исследований ресурсы. Несколько ухудшилась ситуация с оплатой труда госслужащих. Практически отменен институт «professor emeritus», предполагавший, после ухода на пенсию, сохранение за профессором его статуса, за исключением освобождения от преподавательской нагрузки – теперь профессора-пенсионеры имеют те же права, что и обычные пенсионеры. С другой стороны, появление младших профессоров (в обиходе также именующихся «профессорами») ведет к «размыванию» общественного статуса полного профессора. Однако, несмотря на эти изменения, позиция профессора в Германии остается крайне привлекательной с материальной и социальной точек зрения. Наверное, именно это обстоятельство способствует постоянному притоку новых «соискателей» на позиции хабилитантов и младших профессоров, а также делает работу в Германии допустимой для «возвращающихся» из США ученых.

3. Механизмы интернационализации немецкой экономической науки

Три описанных выше свойства немецкой институциональной среды: низкая численность, высокая конкуренция и высокий статус полного («ординарного») профессора – являются, на наш взгляд, главными факторами, обусловившими столь быстрое и радикальное изменение научного сообщества, буквально за десять лет прошедшего путь от «национальной специфики» к интеграции в глобальную академическую систему. Низкая численность (в сочетании с наступившим как раз в 2000-е годы очередным «валом» смены кадров на факультетах) позволила Германии буквально в течение нескольких лет изменить кадровый баланс в сторону ученых, активно публикующихся в международных рецензируемых журналах и следующих тем же академическим принципам, что и их американские коллеги, – при этом даже сравни-

тельно слабые университеты могут себе позволить «отбирать» соискателей с серьезными публикациями. Во многих случаях процесс был поэтапным: если сначала позиции получали профессора, обладающие как неплохими международными публикациями, так и традиционными «достижениями», учитываемыми в немецкой системе, то затем отборочные комиссии факультетов (уже с участием этих профессоров) предъявляли все более и более жесткие требования соответствия международным стандартам. Однако этот эволюционный процесс в условиях небольшой численности преподавателей был крайне быстрым.

Конкуренция в научной системе не позволила отдельным университетам сформировать устойчивые островки локальных «научных школ», защищенные от конкуренции со стороны: докторанты и хабилитанты любого профессора, в любом случае, вынуждены были искать позиции вне стен «родного» университета. Острое соперничество за отдельные профессорские позиции привело, как уже говорилось, к постоянному ужесточению требований к кандидатам, а акцент на найм полных профессоров сделал качественные сдвиги в структуре университетов более быстрыми, чем это происходит в системах, где найм концентрируется на уровне ассистент-профессоров и начинающих ученых. Особенно ярко это видно на примере частных университетов, которые в отличие от государственных не ограничены жесткими рамками небольшого числа профессорских ставок, – стремясь добиться удовлетворительной репутации в сфере исследований, они в основном нанимают сотрудников, уже добившихся высокого уровня публикационной активности, и порой буквально за несколько лет качественно обновляют свой преподавательский состав.

Наконец, высокий статус и доход профессора способствуют постоянному притоку в систему новых кандидатов, в том числе и из-за рубежа. В последние годы в немецких университетах (особенно ведущих) все чаще профессорами становятся исследователи-немцы, защитившие диссертацию и проработавшие после этого несколько лет в США. Насколько нам известно, подобное «возвращение» в большинстве случаев обусловлено личными обстоятельствами; тем не менее позиции в Германии, как минимум, не вызывают отторжения. Несмотря на многочисленные жалобы на низкое финансирование, ситуация в принципе остается достаточно неплохой – особенно в сочетании с высоким качеством общественных благ (системой здравоохранения и среднего образования, безопасностью и стабильностью), предоставляемых немецким социальным государством.

Наблюдающиеся благоприятные эффекты стали возможны лишь благодаря наличию одновременно *всех трех* характеристик немецкой науки, описанных ранее. Действительно, жесткие правила не смогли бы поддерживать конкуренцию в научном сообществе при отсутствии достойного финансирования – на практике Германия очень быстро столкнулась бы с недостатком кадров и, соответствен-

но, вынуждена была бы снижать требования к исследователям, претендующим на профессорские позиции¹¹. Отсутствие конкуренции привело бы к формированию замкнутых кланов (создание которых было бы даже более привлекательным в условиях щедрого финансирования и небольшого числа профессоров), способных неопределенный срок сопротивляться любым требованиям открытости. Именно подобная коалиция, сложившаяся в немецкой науке в послевоенный период, и стала причиной задержки в усвоении количественных методов; а в современных условиях роста численности университетских профессоров в Германии создать «неформальную коалицию» между несколькими университетами уже заметно сложнее. Наконец, многочисленный преподавательский корпус заметно сложнее «обновить» с точки зрения требований к кадрам – к тому же неизбежен период длительных и непроизводительных конфликтов между поколениями, отвлекающих силы и ресурсы. В Германии изменения происходили быстро и эффективно.

Нельзя не отметить и роль субъективных факторов в процессах трансформации немецкой науки. Ситуация сложилась таким образом, что на «передовые позиции» вышли именно пользующиеся традиционно высокой репутацией университеты, которые использовали свой статус в академической системе для продвижения новых требований к исследовательской практике. Возможно, сохранение старых бюрократических структур снижает потенциал *ведущих* исследовательских центров страны (Handelsblatt, 2007), но в любом случае содействует трансформации *сообщества в целом*¹². Значительно сложнее игнорировать изменения, проводящиеся традиционными лидерами дисциплины, чем вновь возникающими структурами. Последние распространяют свое влияние не только за счет демонстрации примера «лучших практик», но и попросту за счет традиционного преимущества в «позиционировании» своих выпускников на вновь открывающихся кафедрах. Так что, даже не осознавая качественных отличий с точки зрения исследовательских стандартов новых профессоров, факультеты, состоящие еще из воспитанных в «старой» системе исследователей, готовы «покупать» новичков в силу репутации их *alma mater* – тем самым запуская механизм эволюции.

Впрочем, среди ведущих немецких вузов выделяется опыт Боннского университета – высокие требования к журнальным публикациям, жесткий отбор в соответствии с международными стандартами и современные практики подготовки докторантов в структурированных программах появились в этом университете на несколько деся-

¹¹ Негативные последствия «бедной науки» подробно обсуждаются в (Соколов, 2009).

¹² Возникает правомерный вопрос: почему поддержание большого числа «интегрированных», но не очень сильных университетов является лучшим вариантом, чем наличие одного очень сильного и множества крайне слабых и не интегрированных в мировую науку вузов. Если даже не учитывать интересы преподавания и консультирования (требующие поддержания определенных стандартов в большинстве университетов), следует иметь в виду, что первый вариант запускает своеобразные механизмы «внутренней эволюции», ведущие к постоянному увеличению требований к исследователям во всех вузах и росту их качества. Примером служат США, где даже в достаточно слабых колледжах немало преподавателей публикуется гораздо активнее европейских профессоров. Второй вариант позволяет неэффективной компоненте системы существовать бесконечно длительный промежуток времени (особенно при хорошем государственном финансировании).

тилетий раньше, чем в Германии в целом. Не случайно именно бывшие докторанты Боннского университета составили заметное большинство профессоров «новой волны», занимавших кафедры в других крупных университетах в 1990–2000-х годах. Впрочем, сегодня лидерство Бонна ни в коем случае нельзя считать бесспорным – университет сталкивается с очень жесткой конкуренцией, прежде всего со стороны Мангеймского университета (Handelsblatt, 2010b).

Можно спорить о том, как выглядела бы немецкая наука сегодня, если бы отсутствовал этот «первичный импульс» со стороны ведущих университетов. С одной стороны, как уже говорилось, сформировать устойчивые научные монополии в современной Германии достаточно сложно. С другой – университеты более низкого уровня, естественно, не испытывали бы столь жесткого стремления «адаптироваться» к новым требованиям, если бы они не «проводились» ведущими вузами. Косвенно значимость этого фактора подтверждается и тем обстоятельством, что в других общественных науках Германии изоляция от международного сообщества оказалась более устойчивой (политологические и социологические факультеты все еще нанимают профессоров, не имеющих сколь бы то ни было достойных упоминания публикаций в международных журналах).

«Промежуточным» направлением развития характеризуются факультеты экономики предприятия. Они переживают период трансформации заметно позже, медленнее и сложнее факультетов экономики народного хозяйства¹³. Тут влияют такие факторы, как: большая значимость практических консультаций в деятельности профессоров, объективная необходимость учета национальной специфики (скажем, на кафедрах бухгалтерского учета) и более развитый «внутренний» рынок академических журналов, возникший из-за четкой «практической» значимости исследований. К тому же, в отличие от всегда воспринимавшей себя мировой экономической науки («economics») экономики народного хозяйства, экономика предприятия позиционировала себя как чисто немецкая дисциплина, выстраивающая собственную родословную от «спора о методе» в рамках этой науки в Германии в начале XX в.¹⁴ Причины этого очевидны: «management science» в англосаксонском мире является менее организованной дисциплиной, чем четко структурированная «economics» (и чем, кстати сказать, немецкая BWL)¹⁵. С другой стороны, сообщество в области экономики предприятия однозначно находится на том же пути, что был пройден ранее экономистами-теоретиками. Здесь, опять же, ключевую роль играет позиция ведущих университетов (на этот раз Мангеймского), использующих свою репутацию для распространения новых стандартов.

¹³ Рейтинг Handelsblatt, обсуждающийся далее, вызвал неоднозначную реакцию среди представителей этой дисциплины (Handelsblatt, 2009a); профессиональная ассоциация экономистов в данной области (VNB) отказалась от сотрудничества с составителями рейтинга в отличие от активно принимающего в этом участие Союза за социальную политику, представляющего специалистов в области экономики народного хозяйства.

¹⁴ Его следует отличать от «спора о методе» Шмоллера и Менгера в экономике народного хозяйства

¹⁵ Не случайно даже сегодня на странице Wikipedia, посвященной BWL, текст на немецком языке принципиально отличается от английского и содержит, например, указания на то, что немецкоязычные журналы в этой области «вполне конкурентоспособны» в глобальном сопоставлении (см. de.wikipedia.com/wiki/betriebswirtschaftslehre).

На наш взгляд, быстрый переход к международным практикам был связан с еще одним обстоятельством. В отличие от большинства стран континентальной Европы, где доминирующую роль играли «левые» по своим убеждениям ученые (или даже марксисты), в Германии факультеты экономики контролировались, скорее, либералами, а в некоторых случаях радикальными и даже догматичными сторонниками экономической свободы. Ордолиберализм, к тому же, использует язык, крайне похожий на терминологию микроэкономики (и во многом позаимствованный В. Ойкеном из современных ему микроэкономических исследований). В результате, если методологические предпочтения (которые были преодолены за счет «смены поколений» ученых) мешали немецким исследователям активнее интегрироваться с мировым сообществом, с нормативной точки зрения отторжения принципов мейнстрима (особенно после усиления в нем позиций чикагской школы) в Германии не было. Возможно, процесс перехода был бы более сложным, если бы он оказался жертвой идеологических баталий по поводу нормативных принципов.

К тому же в настоящее время в Германии практически отсутствует стремление к «сохранению национальной специфики» как самоцели, которое ярко выражено в России. После Второй мировой войны аргумент «поддержания национальных школ» немецкими учеными практически никогда не выдвигался и едва ли найдет поддержку. Иначе говоря, выступая в поддержку, скажем, ордолиберализма (о чем речь пойдет далее), немецкий экономист никогда не станет мотивировать свою позицию «сохранением самобытности Германии». Аргументы будут касаться эвристической или практической ценности тех или иных подходов (принципиально пригодных для всех стран без исключения), их научных приоритетов в формулировке определенных концепций, но не «большей пригодности немецких школ для описания немецкой действительности». Между тем именно последний аргумент крайне сложно опровергнуть в рациональной дискуссии (где любой «иностранец» автоматически обвиняется в «непонимании» национальных особенностей). Характерно, что в Германии переход на английский как язык научной коммуникации вызвал лишь технические сложности у некоторых исследователей, но не сталкивался с принципиальным неприятием, как это происходит в России (или, например, во Франции)¹⁶.

4. Формальные механизмы и конфликты

Наверное, наиболее ярким признаком изменений, и в то же время их влиятельным проводником, является публикующийся с 2006 г. рейтинг экономистов (экономика народного хозяйства) газеты *Handelsblatt*. В 2009 г. он был дополнен рейтингом исследователей в области экономики предприятия. Оба рейтинга основаны на систематическом анализе публикационной активности немецких исследователей и включают исключительно данные о публикациях в рецензируемых

¹⁶ Ситуация выглядит несколько иначе при оценке английского как языка преподавания экономики в Германии.

журналах (в явном виде ориентирующиеся на стандартные международные рейтинги). В зависимости от «статуса» журнала публикации в каждом издании присваивается то или иное число баллов; в окончательной оценке публикационной активности каждого исследователя учитываются также соавторства. Данные по 200 ведущим исследователям (с точки зрения их совокупной публикационной активности и публикаций в последние годы), а также 100 молодым исследователям (до 40 лет), доступны в открытом доступе в Интернете¹⁷.

Рейтинг газеты Handelsblatt представляет интерес в связи с тремя обстоятельствами.

Во-первых, появление подобной инициативы (и тем более активная дискуссия, развернувшаяся вокруг нее) свидетельствует о масштабах трансформации в немецкой науке и росте роли международных стандартов.

Во-вторых, рейтинг оказывает сильнейшее давление на ландшафт научного сообщества. Во многих университетах «баллы Handelsblatt» становятся важнейшим аргументом для комиссий по отбору новых профессоров, а частные университеты даже включают соответствующие требования в контракты преподавателей; рейтинг (а также сопоставимые с ним перечни журналов с указанием их качества, публикуемые другими источниками) влияет на шансы успешной аттестации для младших профессоров и возможности кумулятивной хабилитации («по совокупности работ») ¹⁸. Рейтинг влияет на публикационные предпочтения немецких ученых и их ориентацию на те или иные издания. Правда, в ведущих университетах страны рейтинг нередко воспринимается как «слишком мягкий» – баллы, полученные учеными за публикации в журналах «недостаточно высокого уровня», являются слишком высокими. С 2009 г. список журналов в рейтинге был заметно расширен, в том числе за счет откровенно слабых изданий (правда, при этом увеличился разрыв в оценке ведущих и средних журналов).

В-третьих, рейтинг показывает проблемы, с которыми сталкивается переход на международные стандарты. Речь идет не только о «недостаточном весе» ведущих журналов и о чрезмерной формализации процесса (часто дающей неадекватную оценку качеству публикаций), но и о связанных с рейтингом «политических играх». Например, внимание к рейтингу заметно уменьшает значимость другой характеристики научной работы – индекса цитируемости и его производных. Более того, Институт Тюргай (с 2009 г. занимающийся подготовкой рейтинга совместно с Handelsblatt под эгидой Союза за социальную политику), открыто выступает против применения индекса цитирова-

¹⁷ Сами рейтинги и связанная с ними дискуссия приводятся на сайтах www.handelsblatt.com/politik/vwl-ranking/ и www.handelsblatt.com/politik/bwl-ranking. Сопутствующая информация публикуется также на сайте www.forschungsmonitoring.de.

¹⁸ В отличие от России в Германии защита докторской диссертации не требует наличия публикаций: наоборот, исследователям запрещено включать в манускрипт докторской уже опубликованные материалы. Зато сама диссертация традиционно публикуется в виде монографии после защиты или – в наши дни при кумулятивных диссертациях – в виде статей в журналах. Хабилитация традиционно осуществлялась на основе специально подготовленного манускрипта (такие тексты ложились в основу учебников, использовавшихся в немецких университетах). Однако в наше время подавляющее большинство ученых стремится к кумулятивной хабилитации, когда *venia legendi* присваивается на основе ряда уже опубликованных статей по конкретной теме.

ния, опасаясь, что университеты сосредоточатся на найме «звезд», что внесет искажения в структуру академической политики (Verein fuer Socialpolitik, 2007). В результате немецкая наука пошла по «промежуточному» пути, основанному только на учете импакт-фактора журналов – что не может не вызывать вопросы¹⁹.

Наконец, в 2009 г. процесс трансформации немецкой науки стал поводом для полноценного конфликта в научном сообществе. Опыт этой дискуссии весьма поучителен. Формально исходной точкой стала публикация в апреле в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (традиционно считающейся «интеллектуальным научным изданием») письма 83 профессоров экономики с острой критикой происходящих в Германии изменений. Конкретно, речь идет о ликвидации кафедр экономической политики²⁰ в университетах и уменьшении внимания исследователей к институциональным факторам и анализу реальных процессов (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 2009a). В ответ в *Handelsblatt* 145 профессоров выступили с призывом «строить немецкую науку в соответствии с международными стандартами», выступая за активную интеграцию в международное исследовательское сообщество и подчеркивая при этом, что последнее четко ориентировано именно на решение прикладных задач экономической политики, и не на основе догматических норм, а с использованием современных эмпирических инструментов (*Handelsblatt*, 2009f). Заявления с обеих сторон породили активную дискуссию на страницах периодической печати (прежде всего *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Sueddeutsche Zeitung* и *Handelsblatt*), а также в Интернете, резко расширив по ходу спектр обсуждаемых проблем – включая статус ордолиберальной школы и соответствие ее принципов современной экономической науке; альтернативы методологии научного исследования и образования в целом и последствия экономического кризиса 2008 г. для экономической науки. Как это часто бывает, по всей видимости, значительная часть разногласий была основана на непонимании участниками спора позиций друг друга²¹, к тому же выявила крайнюю неоднородность нормативных представлений немецких ученых²².

¹⁹ Сравни также обсуждение качества основанных на цитировании индикаторов в (Ursprung, Zimmer, 2007).

²⁰ В немецкой систематизации наук экономика народного хозяйства традиционно делится на три области, каждой из которых обычно соответствовала своя кафедра в университете: экономическая теория, экономическая политика и общественные финансы. Кафедры экономической политики концентрируют свое внимание на прикладных вопросах организации государственного присутствия в экономике и нередко были «вотчиной» ордолибералов с их жестким нормативным подходом. В настоящее время кафедры экономической политики и экономической теории в основном «перепрофилируются» в соответствии с англо-американской типологией наук: макроэкономика, микроэкономика, экономика труда, международная экономика и т.д. В научном сообществе неоднократно звучали подозрения (опровергавшиеся, впрочем, авторами письма), что конкретным поводом для протеста стало решение Кельнского университета ликвидировать существующие кафедры экономической политики и вместо них создать на факультете группу макроэкономистов – тем самым впервые в истории Германии пойдя по пути целенаправленного найма нескольких профессоров со схожей тематикой и создания мощной исследовательской группы (*Handelsblatt*, 2009b).

²¹ Например, многие сторонники «письма 83» отвергают предположение об отказе от количественных или эмпирических методов (а инициатором письма выступил Р. Ваубель из Мангеймского университета, в основном занимающийся прикладными эконометрическими исследованиями в области политической экономики (Vaubel, 2009a, 2009b)).

²² Детальный перечень выступлений в этой области можно найти в (Bachmann, 2010); помимо этого, интересные замечания приводятся в (Nienhaus, Siedenbiedel, 2009; Plickert, 2009; *Handelsblatt*, 2009c; *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 2009b, 2009c; Goldschmidt et al., 2009; Kirchgaessner, 2009; Wrobel, 2009; Schmidt, Moore, 2009). Дискуссия была продолжена на очередной конференции Союза за социальную политику 2009 г. (*Handelsblatt*, 2009c).

Практические последствия столь активной дискуссии оказались малозначительными. Больше половины авторов «письма 83» находятся на пенсии (их средний возраст составляет 63 года (Handelsblatt, 2009d) и не обладают влиянием на научную политику. Конечно, в числе подписавших письмо исследователей есть и немало активных ученых, среди которых особенно выделяется Б. Фрай, являющийся (в соответствии с тем же самым рейтингом Handelsblatt) одним из наиболее активно публикующихся немецких профессоров. Точку зрения критиков разделяют и многие сильные молодые исследователи, относящиеся к неортодоксальным направлениям (правда, как правило, не имеющие постоянных профессорских позиций и, следовательно, не влияющие на динамику назначений). Для нас, однако, существенны два обстоятельства, выявившихся в процессе обсуждения писем в Handelsblatt и Frankfurter Allgemeine Zeitung²³. Во-первых, конфликт принял форму открытой общественной дискуссии, которую в любом случае следует считать небесполезной²⁴. Альтернативой – увы, не столь уж редко наблюдаемой в других странах, – можно считать «позиционную войну» за конкретные должности, связанную с соперничеством за влияние и попытками «заблокировать» развитие альтернативных подходов. Во-вторых, конфликт произошел уже после качественного преобразования немецкой науки, а не на стадии постепенной интеграции представителей «нового поколения» в академическую систему. Немалое число молодых сторонников «письма 83» активно публикуются в международных рецензируемых журналах неортодоксального направления, т.е. в полной мере соответствуют международным стандартам (пусть и другого научного сообщества, критически воспринимаемого «мэйнстримом»). Их участие переводит спор из парадигмы «конфликта поколений» в процессе трансформации (игравшего определенную роль, что и заставило нас упомянуть данный сюжет) в парадигму «спора о методе», т.е. вполне нормальной и необходимой саморефлексии научного сообщества²⁵.

На наш взгляд, такое развитие событий является прямым следствием пути трансформации немецкой экономической науки.

Во-первых, чисто прагматически, скорость происходивших процессов в условиях «волны отставок», связанной с приближением большинства профессоров к пенсионному возрасту, не позволила конфликту превратиться в затяжное противостояние властных группировок. Этот результат, кстати говоря, не обязательно должен расцениваться как благоприятный. Вполне возможен и противоположный взгляд: академическая система Германии не в состоянии поддерживать

²³ В настоящей статье мы не ставим перед собой цель содержательного анализа критики «письма 83» и последовавшей за ним дискуссии: вопросы соотношения формальных и качественных методов в экономике, роли эмпирических исследований и внимания к прикладной экономической политике не являются однозначными и заслуживают самостоятельной дискуссии.

²⁴ Пусть и не совсем понятно, целесообразным ли является ведение научных споров на страницах периодической печати, – но с точки зрения необходимости быстрой реакции такой формат, наверное, был оправданным.

²⁵ Схожие дискуссии в различных форматах ведутся и в глобальном научном сообществе – достаточно вспомнить постаутистское движение или «движение перестройки» в политологии – и качественно отличаются от собственных некоторых российским или китайским экономистам стремлений отстоять «особый путь» своей национальной науки.

плюрализм мнений и методов в научных исследованиях и в периоды «резкой трансформации», неизбежно происходящие время от времени, окажется подвержена влиянию текущей «научной моды», от которой уже не сможет освободиться в течение нескольких десятилетий²⁶. Это реальная проблема немецкого научного сообщества: Германия действительно обладает существенной склонностью к превращению в анклав «единственного правильного» подхода – так, скажем, в целом немецкое научное сообщество характеризуется заметным «перекосом» в сторону теории игр. Рынок академических исследований в Германии недостаточно велик, чтобы поддерживать несколько автономных научных сообществ, что с неизбежностью усиливает тенденцию к гомогенизации (Либман, 2009). Конечно, уже описанные особенности немецкой системы гарантируют рано или поздно «коррекцию» неэффективного равновесия – но не исключено, что это произойдет действительно скорее поздно (через несколько десятилетий), чем рано.

Во-вторых, трансформация в рамках уже существующей институциональной системы препятствовала формированию институционально оформленных и независимых друг от друга лагерей. Скорее всего противостояние оказалось бы более болезненным, если бы лидеры трансформации находились бы вне традиционной системы (хотя, вполне возможно, обе группы экономистов просто-напросто игнорировали бы друг друга). Если действительно справедливы предположения, что триггером для протеста стали *институциональные* преобразования в немецких университетах, т.е. момент перехода от «трансформации в рамках существующих институтов» к их перестройке (весьма, кстати сказать, относительной), то модель «трансформации изнутри» стала причиной и столь позднего начала этой дискуссии, обусловившего наличие в немецкой науке к моменту начала спора достаточного числа молодых и успешных экономистов-неортодоксов (научные результаты которых не следует недооценивать), а следовательно, содействовавшего уже упомянутой трансформации потенциального «конфликта поколений» в нормальную методологическую дискуссию.

5. Заключение

В начале XXI в. Германия, как и многие европейские страны, прошла сложный путь перехода от «национального» к «глобальному» научному рынку, выражающийся на практике в усвоении исследовательских и организационных стандартов США. Однако в отличие от других стран Европы в Германии речь идет не о становлении качественно новых университетов и крайне медленном распространении стандартов в научном сообществе, а о быстром усвоении «правил игры» подавляющим большинством экономистов традиционных вузов, т.е. «трансформации изнутри». Мы попытались показать, что столь быстрые изменения стали возможны благодаря сочетанию трех

²⁶ Как уже говорилось, интеграция в мировое сообщество *не* связана с «гомогенизацией» сама по себе в силу масштабов и разнородности глобального рынка идей. Например, некоторые ордолибералы успешно вошли в состав сообщества «конституционной политической экономии». Проблема именно в том, что (специфический) немецкий рынок труда нередко отмечает такую интеграцию вне пределов «ядра» мейнстрима, а это уже – однозначно негативное явление.

характеристик немецкой научной системы: малочисленности исследователей, жесткой конкуренции (с однозначным запретом академического инбридинга и акцентом на найм полных профессоров, а не начинающих ученых) и высокого социального статуса (и оплаты труда) полного профессора. При этом трансформация стала возможна лишь в условиях присутствия всех трех факторов: отсутствие хотя бы одного фактора серьезно усложнило бы процесс.

С другой стороны, те же институты научного сообщества могут оказаться факторами, сдерживающими дальнейший рост немецкой науки и ограничивающими возможность университетов трансформироваться в конкурентоспособные исследовательские центры – хотя бы из-за малочисленности исследователей. К тому же преимущества Германии не должны стать поводом для игнорирования недостатков системы, и прежде всего ее колоссальной бюрократизации и негибкости, ведущих к утрате страной действительно ведущих ученых (Handelsblatt, 2010a). Например, по слухам, один из университетов Берлина потерял возможного (крайне сильного) кандидата на позицию профессора из-за отказа бухгалтерии оплатить стоимость такси прибывшего на собеседование ученого (Handelsblatt, 2010c). Жесткие предписания, требующие обязательного ухода на пенсию исследователя не позднее 69 лет, также не способствуют адекватному использованию интеллектуального потенциала ведущих ученых (в отличие от США). Германия страдает от структурного перепроизводства научных кадров, влияющего на мотивацию молодых исследователей. Впрочем, решение этих проблем (скажем, смягчение конкуренции за счет введения договоров *tenure-track* для младших профессоров, уже сегодня практикующеся отдельными университетами) одновременно уменьшает и стандартные преимущества немецкой науки; тем не менее активная интеграция в глобальный рынок труда способна стать фактором, поддерживающим уровень конкуренции²⁷.

В любом случае немецкое научное сообщество, хотя и не может по своей эффективности сравниться с североамериканским академическим рынком, заслуживает внимание наблюдателей. Однако любые «уроки» из немецкого опыта для других стран, и особенно оценки преимуществ «внутренней трансформации», следует воспринимать с осторожностью: если специфические институты немецкого научного сообщества отсутствуют, ожидание трансформации в рамках существующей системы может обернуться полным отказом от трансформации как таковой.

Литература

- Либман А.М.** (2009). Научные сообщества и территориальная концентрация в экономической науке // *Вопросы экономики*. № 2. С. 105–118.
- Либман А.М.** (2010). Немецкая экономическая наука: от национальной к глобальной // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 8. С. 166–170.

²⁷ Конечно, и здесь существует немало проблем: например, администрация немецких университетов в основном работает на немецком языке, что делает интеграцию профессоров из-за рубежа достаточно сложной.

- Сивак Е.В., Юдкевич М.М.** (2008). «Закрытая» академическая среда и локальные академические конвенции // *Форсайт*. № 4. С. 32–41.
- Сивак Е.В., Юдкевич М.М.** (2009). Академический инбридинг: за и против // *Вопросы образования*. № 1. С. 170–187.
- Соколов М.М.** (2009). Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // *Laboratorium*. № 1. С. 20–57.
- Armstrong J.S.** (1997). Peer Review for Journals: Evidence on Quality Control, Fairness and Innovation // *Science and Engineering Ethics*. Vol. 3. P. 63–84.
- Bachmann R.** (2010). Methodology. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www-personal.umich.edu/~rudib/methodology.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2010).
- Cawley J.** (2003). A Guide (and Advice) for Economists on the U.S. Junior Academic Job Market. Mimeo. Ithaca: Cornell University.
- Durante R., Labartion G., Perotti R., Tabellini G.** (2009). Academic Dynasties. Mimeo. Milan: Bocconi University.
- Feld L.P.** (2002). Die Reichhaltigkeit der deutschen Oekonomie // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 25 Februar.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung (2009a). Rettet die Wirtschaftspolitik an den Universitaeten! // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 27 April.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung (2009b). Wie viel Mathe braucht die Wirtschaftswissenschaft? // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 21 Maerz.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung (2009c). Die entzweifelten Oekonomen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 6 Juni.
- Frey B.S.** (2003). Publishing as Prostitution? – Choosing Between One’s Own Ideas and Academic Success // *Public Choice*. Vol. 116. P. 205–223.
- Frey B.S.** (2009). Economists in the PITS? // *International Rev. of Econ.* Vol. 56. P. 335–346.
- Goldschmidt N., Wegner G., Wohlgemuth M., Zweynert J.** (2009). Was ist und was kann Ordnungsökonomik? // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Vol. 19. Juni.
- Handelsblatt (2006). Oekonomische Zwei-Klassen-Gesellschaft // *Handelsblatt*. 19 September.
- Handelsblatt (2007). Blaupause fuer eine German School of Economics // *Handelsblatt*. 1 Oktober.
- Handelsblatt (2009a). Die BWL erfindet sich neu // *Handelsblatt*. 20 Juli.
- Handelsblatt (2009b). Der Koelner Emeriti-Aufstand // *Handelsblatt*. 17 Februar.
- Handelsblatt (2009c). Versoehnen statt spalten // *Handelsblatt*. 15 September.
- Handelsblatt (2009d). Deutsche Oekonomen zerfleischen sich // *Handelsblatt*. 4 Mai.
- Handelsblatt (2009e). Oekonomenaufruf – Warum wir nicht dabei sind // *Handelsblatt*. 4 Mai.
- Handelsblatt (2009f). Baut die deutsche VWL nach internationalen Standards um! // *Handelsblatt*. 8 Juni.
- Handelsblatt (2010a). Brain Drain in der VWL // *Handelsblatt*. 3 April.
- Handelsblatt (2010b). Urs Schweizer: «Schon vor Jahren haben uns manche abgeschrieben – zu Unrecht» // *Handelsblatt*. 8 Maerz.

- Handelsblatt (2010c). Berliner VWL-Fakultaeten verlieren den Anschluss // *Handelsblatt*. 8 Maerz.
- Kirchgaessner G.** (2009). Der Rueckzug ins nationale Schneckenhaus. // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 15 Juni.
- Krimmer H., Stallmann F., Behr M., Zimmer A.** (2003). Karrierewege von Professoren an Hochschulen in Deutschland. Muenster: BMBF, WIKI, Universitaet Muenster.
- Nienhaus L., Siedenbiedel C.** (2009). Die Oekonomen in der Sinneskriese. // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 5 April.
- Oyer P.** (2007). Is There an Insider Advantage in Getting Tenure? // *American Econ. Rev.* Vol. 97. P. 501–505.
- Plickert Ph.** (2009). Oekonomie in der Vertrauenskriese // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 13 Mai.
- Schmidt C.M., aus dem Moore N.** (2009). Quo vadis, Oekonomik? RWI-Position Nr. 30. Essen: RWI.
- Sorman G.** (2010). Invasion of the European Economists [Электронный ресурс] // *City Journal*. Vol. 20, accessed on October 20. Режим доступа: http://www.city-journal.org/2010/20_1_european-economists.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 20.10.2010).
- Ursprung H.W., Zimmer M.** (2007). Who Is the «Platz-Hirsch» of the German Economic Profession? // *Jahrbuecher fuer Nationaloekonomie und Statistik*. Vol. 227. P. 187–208.
- Vaubel R.** (2009a). Der Aufruf der 83 VWL-Professoren «Rettet die Wirtschaftspolitik an den Universitaeten». [Электронный ресурс] Praesentation, Verein fuer Socialpolitik, Magdeburg, accessed on October 20. Режим доступа: <http://www.vwl.uni-mannheim.de/vaubel/pdf-Dateien/MagdeburgProfVaubel-Podiumsdis.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. нем. (дата обращения: 20.10.2010).
- Vaubel R.** (2009b). Politik statt Abstraktion // *Handelsblatt*. 8 Mai.
- Verein fuer Socialpolitik (2007). Unbrauchbare Forschungsindikatoren, irrefuehrende Information fuer Studienanfaenger und falsche Anreize // *Presseinformation des Portals Forschungsmonitoring*. 18 Juni.
- Wrobel M.** (2009). der «Neue Methodenstreit» in der Volkswirtschaftslehre, oder Ordnungspolitik zwischen Wirtschaftskriese und Selbstreflektion der VWL // *Ordnungspolitischer Kommentar*. 20 September.
- Поступила в редакцию 10 октября 2010 г.*

Alexander Libman,

Frankfurt School of Finance & Management and Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Frankfurt/Main, Moscow

German Economics: Mechanisms of Transformation

The paper provides an overview of the key transformation mechanisms for the community of German economists during its internationalization and integration in the global economic community. It points out three main features of the German economics, which made this transformation possible, and considers both pros and cons of the German way of transformation.

Keywords: community of economists, internationalization, Germany.

JEL Classification: A14.